

Л.И. Горбунова

Иркутский государственный университет

Когнитивная основа многозначности адъективного префикса

Аннотация: Статья посвящена выявлению статуса контекстной реализации приставки в структуре ее значения. Обращается внимание на когнитивные процессы, происходящие при восприятии ситуации и выборе языкового средства. Устанавливается, что реализация системного значения адъективного префикса возможна при изменении когнитивных установок.

Ключевые слова: когнитивный, многозначность, адъективный, префикс, предлог, глагольный префикс, локализация.

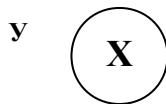
Одной из актуальных задач современной лингвистики признается адекватное описание многозначного слова как единства, включающего в себя лексемы-значения [Кустова, 2004; Падучева, 2004]. Целостность слова достигается в таких описаниях через выявление оснований, в том числе и когнитивных, перехода от одного значения к другому. Подобный подход применяется и в изучении строевых единиц языка, прежде всего предлогов и глагольных префиксов [Исследования по семантике предлогов, 2000, Кронгауз, 1998]. Исследователь ставит перед собой две задачи: выявить текстовые реализации значения единицы и обнаружить связи между разными значениями. Однако для того чтобы корректно и полно представить любую многозначную единицу языка как иерархическую систему, необходимо еще произвести идентификацию ее текстовых реализаций, выявить системный статус отдельной реализации или группы реализаций, т.е., выражаясь в терминологии традиционных толковых словарей, исследователь должен отличить отдельные значения от оттенков одного значения. Кроме того, абстрактность семантики строевых единиц приводит к необходимости разграничить омонимы. Эта задача тем более актуальна на фоне устоявшейся практики подавать все значения строевой единицы как значения полисеманта.

Совершенно неизученными в таком аспекте являются адъективные префиксы, многие из которых имеют базовое пространственное значение и используются для выражения отношений между объектами вещного пространства. В то же время приставки имен прилагательных, как и другие языковые единицы с локативным значением, являются чрезвычайно функционально нагруженными, номинируют не только базовую пространственную комбинацию объектов, но и ее всевозможные варианты, а кроме того используются для экспликации отношений в других типах пространства или непространственных отношений. Поэтому выявление семантической структуры адъективных префиксов представляется актуальным.

Префикс в прилагательных изучаемого типа выражает отношения между объектами, один из которых номинируется производящим (X), а другой – существительным – главным словом в именной группе (Y). Например, в употреблении *внутрисуставная жидкость* приставка *внутри-* локализует объект Y (*жидкость*) в пределах объекта X (*сустав*). Именно предназначенность адъективных приставок выражать чистые отношения часто не позволяет ограничиться традиционными методиками выявления и идентификации значений.

В ряде случаев для того, чтобы выявить значения, объяснить их взаимосвязь, необходимо исчислить признаки ситуации, концептуализируемой в префиксе. Например, рассматривая дефиниции прилагательных с приставкой *вне-*, мы можем выявить, что она выступает в различных контекстных реализациях: **‘находящийся за пределами X’** (*внегородской, внеконтинентальный, внеярусный*), **‘не связанный с X’** (*внеблоковый, внесоциальный*), **‘не предусмотренный X’** (*внеплановый, внеуставный*), **‘не ограниченный рамками X’** (*вневременной*). Разные ли это значения?

Базовое значение приставки *вне-* **‘находящийся за пределами X’** (*внеатмосферный, внегалактический, вневременной, внеклеточный, внелабораторный, внематочный, внепечной, внепроточный, внеуличный, внехрамовый*). Через эксплуатацию категорий внешней и внутренней области объект вещного пространства **X** концептуализируется как имеющий границы. Подобного рода локализации являются непосредственно наблюдаемыми в мире материальных объектов: **X** и **У** занимают разные фрагменты пространства, не пересекаясь ни в одной точке.

Тот же тип отношений фиксируется в прилагательных, образованных от производящих, называющих социальную реалью (*внебюджетный, внекультовый, внеконкурентный, внелимитный, внеародный, внепарламентский, внеслужебный, внесудебный, внефинансовый, внештатный, внеэкономический*): **У** не является частью **X**, не относится к нему. При этом социальная реалья также осмысливается как объект, имеющий внешнюю и внутреннюю область, т.е. переводится в другой класс явлений: из класса умозрительных объектов в класс вещей – материальных объектов, характеризующихся признаками протяженности, двух- или трехмерности.

Подобным образом может концептуализироваться событие, момент, отрезок времени или само время (*вневременной, внелитургический, велекционный, внесезонный, внесмертный, внеурочный*), объект ментального мира (*внеконцептуальный, внелогичный, внесистемный, несмысловой, несюжетный, внефабульный*) и эмоциональной сферы (*внечувственный, внемэмоциональный*).

Примеры 1–3 демонстрируют наличие внешней по отношению к **X** области через указание на объекты, не имеющие отношения к **X**. (Примеры подобраны с помощью поисковой системы «Национальный корпус русского языка»).

1) *Реальность уходит своими корнями в слово, и все, что есть в литературном тексте, может быть описано с помощью выяснения **внетекстовых** связей (миф, социальный уклад, «архетип», «бессознательное» и пр.)* (К. Баршт);

2) *Я был далек от его **внефутбольных** увлечений – охоты, рыбной ловли, сауны* (Е. Рубин);

3) ***Внерациональные (трансцендентные, мистические)** факторы сознательно исключаются из сферы рассмотрения как малосущественные или вовсе фиктивные* (Г. Гутнер).

Важным также представляется осознание инобытия, границы области **X**.

4) *Оно – в словосочетании «тридцатилетие личной жизни»; оно в том, что это словосочетание обладает той предельной избыточностью, которая и доводит язык до его собственных границ, туда, где брезжит **иное, внеязыковое** понимание смыслов* (В. Отрошенко).

Наличие внешней и внутренней области **X** маркируется и в словарях: *внесемейный* ‘не являющийся семейным, проявляющийся, существующий вне рамок семьи’.

Ситуация локализации в не-вещном пространстве за пределами обозначенной области **X** часто интерпретируется через структурный акцент 'не являющийся частью того, что названо производящим, не относящийся к нему', что подчеркивается рядом словарных дефиниций: *внесоциальный* 'представляющий что-л. не связанным с социальными отношениями, социальной действительностью', *внеплановый* 'не предусмотренный установленным планом', *внеблоковый* 'не связанный с существующими блоками, исключающий участие в существующих блоках'. Этот уточненный, конкретизированный, привязанный к определенному типу пространства смысл возникает в результате экстралингвистического знания о специфике объектов не-вещного пространства (пример 6).

6) *Вообще право аскета предписывать норму обществу основывается именно на его «инаковости» и «чуждости» этому обществу, на том, что он в этом мире «странник и пришелец», «посланный в мир» как бы из некоего **внемирного** места* (С. Аверинцев).

На фоне метафоризации свойств **X**, интерпретации **X** как объекта, имеющего внутреннюю область и устойчивые границы, вещное, социальное, ментальное, эмоциональное пространство и время предстают как изоморфные. Именно этот способ концептуализации позволяет при отражении мира поставить в один ряд явления, относящиеся к разным типам пространства (примеры 7–9).

7) *Секс – явление **внепартийное, внациональное и вневременное*** (В. Шахиджанян) – (социальное пространство и время);

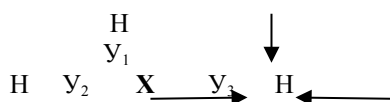
8) *Прежде всего я имею в виду произведения Александра Грина с его **вневременной и внегеографической** действительностью, с вымышленными городами, странами и ситуациями* (А. Козлов) – (время и вещное пространство);

9) *За дверью у постового столика болтают, пересмеиваются две медсестры: **внебольничные** звуки, **внесмертные**, непристойные звуки жизни посреди склепа, наглое бестактное напоминание* (Т. Набатникова) – (вещное пространство и время).

Таким образом, отношения, выражаемые префиксом, во всех его контекстных реализациях остаются однотипными вне зависимости от реальных свойств объекта, названного производящим, и от вида пространства, представленного этим объектом: **У** за пределами **X**. Это позволяет признать префикс *вне-* однозначным. Как однозначный префикс функционирует на фоне метафоризации признаков реальных не-вещного пространства.

Отождествление контекстных реализаций префикса возможно также и в сфере только вещного пространства в том случае, когда базовая ситуация варьируется под влиянием специфики вещей, участвующих в пространственной конфигурации. Выявив признаки ситуации, отражаемой приставкой, их когнитивный вес, т.е. то, насколько эти признаки важны для опознания ситуации и подвергаются ли они метафорическому воздействию, мы можем описать значение приставки как значение целостной языковой единицы.

Базовым значением приставки *пред-* является значение '**находящийся между наблюдателем и X**', которое реализуется в прилагательных *предгорный, предзаводской, предматериковый, предмостный*. Значение дейктическое, так как «взаиморасположение локализуемого предмета и локума определяется позицией наблюдателя: локализуемый предмет находится с задней от наблюдателя стороны локума. Только контекст и положение наблюдателя уточняют, с какой именно реальной стороны... происходит что-л.» [Всеволодова, Владимирский, 1982, с. 218].

Актуальными признаками базовой ситуации являются наличие наблюдателя; возможность перемещения наблюдателя по отношению к **X** и **У**; расположение объектов **X** и **У** на одной оси с наблюдателем, что позволяет ему оценивать локализацию **X** по отношению к **У**; оценка локализации осуществляется с помощью трассы – направления взгляда наблюдателя.

Вариантами этого значения являются следующие пространственные значения:

1.1. **‘Находящийся с фасадной стороны X’** (*предалтарный, преддиванный, предзеркальный, предыконный*). Дейктичность значения снимается фасадностью объектов, названных производным, тем, что наблюдатель может находиться только с одной стороны **X**. К этой же группе примыкает прилагательное *предустьево(ый)* со значением **‘находящийся перед устьем’**, которое фиксирует расположение у конца реки, до ее впадения в другой водоем. Устье концептуализируется как объект, имеющий устойчивую ориентацию. Единственная начальная граница локума **X** определяется направлением движения воды в реке.

Нечто подобное наблюдается и в прилагательном *предкамерный*. Производящее называет объект, имеющий определенное устройство. Некоторые части камеры воспринимаются как фасадные, относительно них и происходит локализация. Устраняется один из компонентов базовой ситуации – дейктичность, однако ситуация может расцениваться как вариант базовой, так как объект **У** и локализатор **X** находятся в тех же перцептивных условиях, что и в базовой ситуации: взгляд наблюдателя движется от **У** к **X**. Вариативность ситуации обеспечивается типом возможной локализации **X**, в данном случае – фиксированным расположением одной стороной (фасадом) к наблюдателю.

1.2. **‘Находящийся ближе, чем X, к центру России’** (*предполярный*, т.е. ‘располагающийся южнее Северного и севернее Южного полюса’). Здесь мы имеем дело с коллективным наблюдателем, который ориентируется в пространстве из исторически закрепленного центра, чем и снимается дейктичность ситуации. В данном случае играет роль не фиксированность позиции объекта **X** по отношению к наблюдателю (ср. 1.1.), а то, что локализация наблюдателя моделируется прилагательным как постоянная по отношению к объекту **X**. Именно позиция наблюдателя определяет значение прилагательного в примере 10.

10) *Начиная с 30 декабря практически по всей территории предгорной и равнинной Чечни идут массовые спецоперации*. В таком употреблении речь идет о конкретной исторически закрепленной части города, которая интерпретируется как имеющая тыльную и фасадную часть, и дейктичность локума снимается.

1.3. **‘Находящийся ближе к макушке, чем X’** (*предглазничный, предплосневой(ый)*). Дейктичность значения префикса снимается концептуализацией тела человека как объекта, имеющего закрепленную ориентацию. Учитывая базовое значение приставки *пред-*, мы можем сказать, что как начало тела человека воспринимается голова, так как нахождение ближе к ней истолковывается как предшествование. (Ср. *предсердие* – ‘каждый из двух верхних отделов сердца’). Взгляд наблюдателя движется от головы к ногам человека. Все, что оказывается выше, т.е. ближе к голове, макушке, маркируется как предлежащее. При этом игнорируется реальное положение тела – вертикальное или горизонтальное. Важно направление взгляда наблюдателя.

1.4. **‘Находящийся ближе к кончикам пальцев рук, чем X’** (*предплечный*). В данном прилагательном рука концептуализируется как дискретный объект, который начинается кончиками пальцев. Взгляд наблюдателя движется от кончиков пальцев к плечу.

Такое положение дел, когда приставка называет конфигурации объектов, находящихся в одинаковых перцептуальных условиях, или концептуализированные как одинаковые, можно наблюдать в сфере функционирования других адъективных префиксов. В этом случае контекстные реализации также, как представляется, следует признать вариантами одного значения. Например, базовое значение приставки *под-* **‘находящийся ниже X’** (*подзастрешный, подколодный, подстрочный, поднавесный*). Признаками базовой ситуации являются вертикальность, нахождение *У* ниже *Х*. В зависимости от концептуализации объекта, относительно которого задается пространство, значение префикса может варьироваться:

1.1. **‘Находящийся ниже поверхности X’**. Объект *Х*, названный производящим (локум), концептуализируется как горизонтальная плоскость (*подводный, подземный, поддонный, подледный, подмерзлотный, поднавесный, подпалубный, подпахотный, подпольный, подпочвенный, подснежный*). В таком отражении объекта как плоскости реализуется обычная зрительно воспринимаемая картина: как правило, видима в обычных условиях только поверхность земли, снега, воды и т.п.

1.2. **‘Находящийся у нижнего края X’** (*подзаборный, подзеркальный, подыконный, подоконный, подворотный*). *Х* концептуализируется как вертикально ориентированная ограниченная плоскость, локализуемый объект находится ниже, чем основная часть *Х*. В данной ситуации признак строгой вертикальности снимается.

1.3. **‘Находящийся у края X, на который крепится У’** (*подбашенный, подкрановый*).

Х концептуализируется как вертикально ориентированный трехмерный объект, локализуемый объект находится ниже, чем основная часть *Х*, у его нижнего края. Признак строгой вертикальности снимается.

1.4. **‘Находящийся ближе к ногам, чем X’**. В качестве производящих, номинирующих объект, в таких случаях выступают существительные, называющие области, части тела человека (*подбрюшный, подвздошный, подглазничный, подглазный, подглоточный, поддиафрагмальный, подгрудный, подгубный, поджелудочный, подключичный*). Главной оказывается обычная ориентация человека – вертикальная, и язык не реагирует на случаи ее изменения, так как низ и верх человека воспринимается языком как постоянные пространственные координаты, независимые от реального положения человека в данный момент (вертикального или горизонтального): голова всегда концептуализируется как верх, а ноги как низ.

1.5. **‘Находящийся с тыльной стороны X’** (*подкожный, подкорный, подкорковый, подкостный*). Это значение можно рассматривать как модификацию 1.1: приставка также участвует в воссоздании обычной картины мира, в которой то, что находится под чем-либо, невидимо. Производящее в этом случае называет объекты, воспринимаемые как границы видимого и невидимого, видимое концептуализируется как находящееся над локализатором, невидимое – под ним. Объекты, названные производящим в таких прилагательных, имеют устойчивую пространственную ориентацию по отношению к наблюдателю. При этом язык игнорирует основной признак базовой ситуации: нахождение объектов *Х* и *У* друг по отношению к другу в вертикальной плоскости. Кожа, кость, кора головного мозга не задают отношений в вертикальной плоскости, они являются оболочками, так как служат границами человеческого тела или его частей. В этом значении приставка *под-* совпадает с приставкой *за-* (*защечный, зазубный, занебный*), и именно концептуализация тела как объекта, покрытого оболочками, синонимизирует *под-* и *за-* в функции средств, локализующих нечто в невидимой, скрытой под (за) оболочкой области.

Основой в адекватном понимании типа локализации, выражаемого в подобных случаях приставкой *под-*, является не вертикальность, а другой признак базовой ситуации: производящее в этом случае называет объекты-плоскости, воспринимаемые как границы видимого и невидимого, видимое концептуализируется как находящееся над локализатором, невидимое – под ним. При этом базовая ситуация обогащается дополнительным признаком (находится ниже, поэтому невидимый), однако о ее переосмыслении говорить не приходится, так как признаки ‘ниже’ и ‘невидимый’ не связаны ассоциативно.

Тот же тип пространственных отношений зафиксирован в прилагательных *подкрыльный, подколенный, подмышечный*. Производящие в этих адъективах называют объекты с устойчивой фасадной ориентацией. Находящееся с тыльной стороны, а следовательно, невидимое, концептуализируется как расположенное ниже и номинируется с помощью префикса *под-*.

Представляет интерес то, как значение префикса реализуется в прилагательном *подсознательный*, которое в словарях имеет дефиницию ‘не контролируемый сознанием’. Такое использование приставки в прилагательном с производящим, называющим объект не-вещного пространства, не нарушает общей когнитивной схемы. В адъективе метонимически осмысливается значение производящего. *Подсознательный* – это то же, что *подкорковый*, т.е. контролируемый не корой головного мозга (сознанием), а подкоркой (подсознанием). Кора головного мозга концептуализируется как плоскость, оболочка, а находящееся с невидимой, внутренней стороны этой оболочки как находящееся ниже нее. Известное противопоставление сознания и подсознания порождает противопоставление ‘контролируемый – не контролируемый сознанием’. Таким образом, несмотря на то, что приставка *под-* выражает отношения в сфере не-вещного пространства, эту реализацию нельзя признать новым значением.

1.6. ‘**Носящий X**’ (*подъяремный, подседельный*). Вновь отражается реальное положение вещей: ярмо и седло обычно располагаются выше того, кто его носит. Формула со словом *носящий*, использованная в словарной дефиниции, наводится семантикой и валентностью производящего.

1.7. У прилагательных *подзвездный, подлунный, подоблачный, подсолнечный* словари выделяют две группы значений:

1.7.1. ‘**Находящийся очень высоко**’;

1.7.2. ‘**Находящийся на Земле**’.

И в самих значениях, и в том, что они соотносятся с совершенно разными, если не противопоставленными, участками пространства, но при этом передаются одним словом, мир отражается таким, каким его видит человек: звезды, луна, облако, солнце всегда расположены над землей. Значит, *подзвездный* – это тот, который находится под звездами, а значит, может быть расположен на земле (значение 1.7.2). Кроме того, звезды, луна, облака, солнце всегда воспринимаются как необыкновенно отдаленные объекты, отделенные огромным расстоянием, и все, что располагается в этом участке пространства, во-первых, видится с земли ниже звезд, луны (отсюда и использование приставки *под-*), а во-вторых, оценивается как очень далекое, недоступное.

Фактически же обе эти реализации приставки являются вариантами одного значения, так как определяют однотипные ситуации: с точки зрения человека, наблюдающего небесные объекты, **У** находится ниже **X**. Признак строгой вертикальности оказывается факультативным.

1.8. **Находящийся в границах того, что названо производящим** (*подусадебный*). В этом прилагательном усадьба концептуализируется как объект, локализуемый на другом объекте, выше него, что вполне соответствует реальному положению вещей.

Как уже было сказано, адъективные префиксы отражают отношения между объектами не только вещного пространства. При этом, обслуживая сферы не-вещного пространства и времени, приставки могут сохранять свое значение неизменным. Это происходит при участии процесса метафорического осмысления свойств объектов, участвующих в ситуации. Как показал анализ, подвергаться когнитивной обработке могут и сами отношения между объектами. В таких случаях следует говорить о разных значениях префикса.

О регулярности модификаций пространственных значений в темпоральные сказано много и убедительно. Специфика темпоральных значений, образованных с помощью приставки *под-*, в том, что обычно горизонтально концептуализируемая ось времени в прилагательных *подзимний, подвахтенный* воспринимается как вертикальная. Время движется снизу вверх, приставка несет значение **‘раньше, накануне X’**. Время представляется как совокупность событийных пластов, располагающихся один на другом (ср. *временной пласт, временные наслоения*). События как бы наслаиваются одно на другое. То, что произошло раньше, оказывается под тем, что имело место позже. Таким образом, происходит метафоризация события, интерпретация его через пространственные представления. Наблюдатель является археологом, снимающим один событийный пласт за другим: то, что находится ниже, предстает перед его глазами позже и эксплицируется в языке с помощью приставки *под-*, тем самым выражается метафорическое восприятие соотношения объектов с помощью нового (2) значение префикса *под-*.

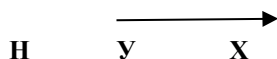
Темпоральное значение приставки *пред-* **‘раньше X’** (*предвечерний, предновогодний, предобморочный, предутренний, предъюбилейный*) также следует признать новым значением (2). Базовое пространственное значение данной приставки дейктично, оно определяет движение взгляда от локализуемого объекта к локуму **X**, названному производящим. Моделируя ситуацию с помощью префикса *пред-*, говорящий подчеркивает, что *предгорный* лес ближе к нему, чем гора. Использование приставки *пред-* для выражения значения **‘раньше’** позволяет говорить о направлении линии времени **от** наблюдателя: то, что происходит раньше, находится ближе к нему, предшествует событию **X**. Таким образом, соотношение событий раньше / позже интерпретируется как локализация на более близком / далеком расстоянии по отношению к наблюдателю, т.е. один тип отношений экстраполируется на другой, две ситуации связываются с помощью метафоры. Происходит переосмысление типа отношений, которые выражаются в исследуемом материале префиксом *пред-*, поэтому представляется возможным говорить о новом значении приставки.

Метафоризация типа отношений сопровождается приписыванием временным отрезкам и событиям свойств пространственных объектов, т.е. переводом в новый класс – класс локализаторов. При использовании префикса *пред-* в темпоральном значении событие **X** выступает в качестве точки отсчета на линии времени. Реалии действительности, имеющие только временные характеристики – *момент, период, событие, происшествие*, – приобретают новые параметры, осмысливаются как объекты, расположенные на **оси, линии** времени, т.е. в пространстве времени. Временная ось интерпретируется как линия взгляда наблюдателя.

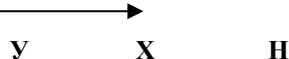
Дейктичность базового пространственного значения позволяет составить представление о концептуализации оси времени, расположения на ней событий **X** и **У** по отношению друг к другу и наблюдателю. Поскольку время движется из прошлого в будущее, то отметки на темпоральной оси воспринимаются как объекты, имеющие устойчивую ориентацию. Тем самым снимается дейктичность базового значения приставки. Именно использование приставки *пред-* для выражения значения **‘раньше’** позволяет говорить о том, что наблюдатель воспринимает ситуацию из прошлого. Реальные темпоральные соотношения при этом игнориру-

ются. Если событие **У** имело или будет иметь место раньше события **Х**, то говорящий вне зависимости от времени, в которое говорится об **Х** и **У**, использует префикс *пред-*.

При этом мы можем наблюдать совпадение реального временного соотношения и того, что представлено в высказывании, если речь идет о событиях будущего: *грядущие предреволюционные беспорядки, наступающее предынфарктное состояние*. Наблюдатель из прошлого говорит о том, что события **У** (*беспорядки, состояние*) происходят раньше, т.е. находятся ближе к наблюдателю, чем **Х** (*революция, инфаркт*).

Если же речь идет о прошлом, то реальное соотношение событий и наблюдателя игнорируется. Ситуация *произошедшие предреволюционные беспорядки, произошедшее предынфарктное состояние* также подается как локализация события **У** ближе к наблюдателю, находящемуся в прошлом. На самом же деле расположение объектов следующее:

Наблюдатель, говоря о прошлом, находится справа от оцениваемых событий, более близким к нему является то, которое произошло позже. Таким образом, мы видим, что, как и в случае с локализацией человеческого тела (значение префикса *пред-* 1.3), темпоральные значения при языковой концептуализации являются относительными.

Во всех указанных случаях связующим звеном, позволяющим верно интерпретировать все употребления приставки *пред-*, является направление взгляда наблюдателя от объекта **У** к локализатору **Х**. Именно идея движения, подразумевающая временной компонент, позволяет использовать эту приставку при выражении темпоральных отношений. По этой же причине приставка *пред-* не обслуживает социальное пространство, так как для него отношения предшествования неактуальны.

Как новое значение следует оценивать и значение приставки *под-* ‘**похожий на Х**’ (3) (*подтропический*). Это прилагательное локализует объект в вещном пространстве, как и все описанные выше. Но семантические процессы, происходящие в случаях 1.1 – 1.8, коренным образом отличаются от того, который имеет место в данном прилагательном. В адъективах, рассмотренных в 1.1 – 1.8, приставка выражала соположение объектов в вещном пространстве. Толчком к варьированию значения префикса становилось разное осмысление объекта, названного производящим и выступающим в качестве локализатора (как трехмерного, вертикальной или горизонтальной плоскости, границы). В прилагательном *подтропический* на первый план выступает статус локализуемого объекта: ‘не совсем тропический, не полностью проявляющий качества тропического, переходящий в тропический’. И этот статус неполноценности концептуализируется как более низкий по отношению к полноценному, т.е. проявляющему признаки в полном объеме. При использовании префикса *под-* для выражения этого типа отношений между объектами эксплуатируется основной признак базовой ситуации – вертикальность, переосмысленный как статусность.

Иерархические отношения в вещном пространстве обычно выражаются с помощью приставки *суб-* (*субарктический, субэкваториальный, субатомный, субмолекулярный*) как маркированного средства, продуктивного при образовании терминов. Пересечения *под-* и *суб-* в прилагательном *подтропический*, возможно, объясняется тем, что вне сферы научных терминов отношения иерархии, подчинения призвана выражать именно приставка *под-*.

Видимо, в иерархические отношения может вступать любой объект из находящихся в вещном пространстве. Но, как правило, отношения между вещными объектами не являются легко и самостоятельно осознаваемой частью наивной картины мира, так как структура вещного пространства по отношению к его другим свойствам носит атрибутивный характер. Для вычленения отношений в этом типе пространства необходимы специальные мыслительные операции, актуальные, как правило, в научном познании и зафиксированные лишь корпусом терминов. В социальном пространстве – обществе – иерархия наблюдаема и значима, что выражается в системе отношений между начальником и подчиненным, выборе социальных приоритетов и т.п. В социуме отношения между объектами интерпретируются как расположение объектов. Таким образом приставка *под-* вовлекается в отражение отношений между объектами в социальном пространстве. Значение **‘расположенный ниже X’** преобразуется в **‘подчиненный, находящийся в сфере влияния X’** (*подвластный, подзаконный, подконвойный, подконтрольный, подведомственный, поднадзорный, подначальный, подневольный, подотчетный, последственный, подцензурный*).

Социальное явление, названное производящими, концептуализируется как социальный объект, который стоит выше другого объекта. Описывается ситуация, когда один объект попал в сферу действия другого. В вещном пространстве в похожих случаях ориентация одного предмета просто привязывается к месту, занимаемому другим предметом, но никакой связи, зависимости между ними не отмечается. В социальном пространстве это нахождение в пространстве с центром, названным производящим, обозначает нахождение в его власти, подверженность его влиянию. Возможно, что в такой концептуализации социальной иерархии сыграло роль представление о том, что объект, находящийся сверху другого, воздействует на нижний (хотя возможно и обратное). Это представление в применении к социальному пространству возведено в абсолют. Смежность предметов в вещном пространстве преобразована в социальном пространстве в их сопостранственность – принадлежность к одному фрагменту пространства, нахождение в пересекающихся областях социального пространства. Происходит переосмысление самого типа отношений. Пространственная вертикаль переводится в область социальных отношений, метафоризируется, и позиция объекта, считающегося менее значимым, престижным, занимающего подчиненное место в социуме, осознается как нахождение ниже в социальном пространстве. То, что при использовании приставки изменяются когнитивные установки, позволяет говорить о ее новом значении **‘находящийся во власти, подчиненный’**.

Общность когнитивных процессов при концептуализации отношений в прилагательном *подтропический* и прилагательных с приставкой *под-*, отражающих социальное пространство, позволяют отождествить значения префиксов в этих адъективах **‘похожий на X’** (*подтропический*) и **‘находящийся во власти, подчиненный’** (*подвластный*). Во всех этих прилагательных при номинации ситуации решающим фактором является осмысление отношений как статуса. Поэтому данное значение приставки представляется возможным сформулировать в общем виде: **‘имеющий более низкий статус, чем X’**.

Неоднозначная ситуация возникает при определении системного статуса значения приставки *под-* **‘прилегающий к X’** (*подлесный, подмосковный, подступной, подстоличный*). Это значение – результат определенной семантической операции с ситуацией 1.2. Ориентация по нижнему краю позволяет толковать это значение как **‘прилегающий, находящийся рядом’**. В этом случае объекты, как правило, находятся в соприкасающихся или в очень близких областях пространства. Предметы, локализованные с помощью прилагательных *подзеркальный, подзаборный* и подобных, не могут находиться далеко от локализатора и поэтому воспринимаются как единая с ним система. Если же производящее назы-

вает крупный объект, то и система локализуемых объектов и расстояние между ними становится неопределенным, локализатор теряет очертания и концептуализируется не как фигура, а только как центр какой-то области. Значение 1.2. '**примыкающий к нижней части X**' преобразуется в весьма неопределенное '**прилегающий к X**'. Производящее в таком случае просто называет центр области, в которой находится другой объект, причем эта область может быть сколь угодно большой.

В данной ситуации редуцируется важнейший базовый признак вертикальности, причем дважды. Во-первых, с помощью приставки *под-* локализуются объекты, находящиеся друг по отношению к другу в горизонтальной плоскости. Во-вторых, производящее называет объект, концептуализированный как горизонтальная плоскость или область, находящаяся в горизонтальной плоскости. Поэтому в значении приставки всякое указание на вертикальность отсутствует.

Таким образом, устраняются все признаки базовой ситуации, кроме самого общего – ориентация в пространстве одного объекта относительно другого, без конкретизации типа ориентации, поэтому следует говорить о новом значении приставки, если не об омонимичных приставках.

Итак, при выявлении статуса контекстной реализации приставки в структуре ее значения необходимо принимать во внимание когнитивные процессы, происходящие при восприятии ситуации и выборе языкового средства. Тожество перцептивных условий, в которых осуществляется когнитивная операция, позволяет говорить о том, что имеет место контекстное варьирование одного значения приставки. При этом варьирование префиксального значения может сопровождаться метафоризацией свойств объектов, отношения между которыми выражает приставка.

Реализация системного значения адъективного префикса возможна и при изменении когнитивных установок. В этом случае переосмыслению подвергается сам тип отношений между объектами, а следовательно, приставка используется в новом значении.

В результате анализа были выявлены следующие значения адъективных префиксов:

- вне-* '**находящийся за пределами X**';
- пред-* 1. '**находящийся между наблюдателем и X**';
- 2. '**происходящий раньше X**';
- под-* 1. '**находящийся ниже X**';
- 2. '**происходящий раньше X**';
- 3. '**имеющий более низкий статус, чем X**';
- 4. '**прилегающий к X**'.

Литература

- Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.
- Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
- Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.